

Греческая

МИФОЛОГИЯ,
СФОРМИРОВАВШАЯ
НАШЕ
СОЗНАНИЕ

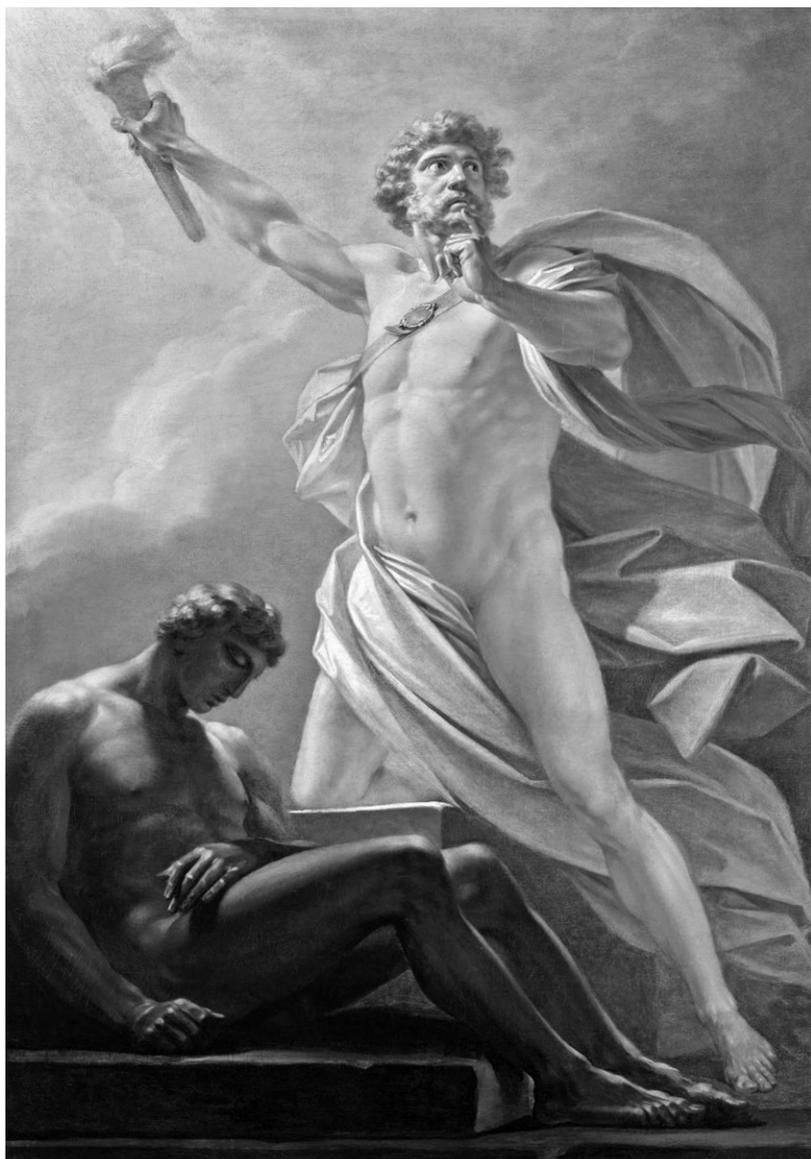
РИЧАРД
БАКСТОН

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФА](#)

МИОО

Оглавление

Введение. Неисчерпаемый источник	5
Глава 1. Прометей	20
Глава 2. Медея	46
Глава 3. Дедал и Икар	72
Глава 4. Амазонки	99
Глава 5. Эдип	128
Глава 6. Суд Париса	161
Глава 7. Подвиги Геракла	192
Глава 8. Орфей и Эвридика	233
Глава 9. Заключение	263
Благодарности	266
Источники иллюстраций	267
Список библиографических сокращений	269
Примечания	271
Вклейка	288

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Неисчерпаемый источник

Истории, которые мы называем «греческими мифами», возникли около трех тысяч лет назад, во времена Эгейской цивилизации, когда *полис* (город-государство) — характерная для I тысячелетия до н. э. форма организации общества — еще только зарождался. Несмотря на столь скромное происхождение (из небольших сообществ), эти истории распространились невероятно широко. Благодаря необычайным победам Александра Македонского они разошлись по эллинистическим государствам Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока — и укрепили славу завоеваний Александра. Когда же эти территории подчинились римской власти, римляне переделали греческие мифы под свои нужды. В течение столетий, последовавших за падением Римской империи, эти предания адаптировались и стали частью позднеантичной, средневековой и ренессансной европейской культуры, а затем распространились дальше на восток и запад — вследствие захватнической и исследовательской деятельности европейцев. В итоге они вышли за границы Европы и обрели мировое значение как убедительное образное средство выражения самых разных мыслей и чувств.

Сегодня трудно представить себе интеллектуальный спор, нравственную дилемму или политический кризис, которые не давали бы повода вспомнить тот или иной греческий миф. Как только в 1970-е годы появилась гипотеза о взаимном влиянии

живых организмов и их неорганической среды обитания, в ее название естественным образом легло имя Геи, греческой богини Земли. Когда одним прекрасным утром в середине 2010-х годов британскому премьер-министру взбрело в голову организовать референдум, чтобы решить, стоит ли Соединенному Королевству оставаться в Евросоюзе, многие комментаторы провели аналогию с опрометчивой Пандорой, которая выпустила все беды мира, открыв свой ящик (хотя в греческом варианте мифа речь шла не о ящичке, а о большом сосуде). Если бы океанский лайнер «Титаник», космическая программа «Аполлон», международная корпорация Amazon, бренд спортивной одежды Nike, производитель дезинфицирующих средств Ajax, шелковые шарфы Hermès и Heracles General Cement Company со штаб-квартирой в Афинах решили обойтись без имен своих мифических предтеч, кто знает, как бы они стали называться. Греческая мифология и по сей день остается кладезем названий для бизнеса, рекламы и маркетинга. Прибавьте к этому заметное присутствие греческих мифов практически во всех художественных явлениях современности — от пьес и поэм до комиксов и видеоигр, — и станет ясно: древние истории еще не растеряли своей силы, удивительной для их почтенного возраста.

Однако живучесть эта подвергалась испытаниям. В разные эпохи и по разным причинам мифологию классической Античности — ту, которую поэт Филип Ларкин во всеуслышание окрестил «потрепанной кошкой», — откровенно отвергали¹. Одной из причин подобного отношения была приписываемая мифам безнравственность, о которой уже во II–III веках н. э. свидетельствовал христианский богослов Климент Александрийский, возмущенный, помимо прочего, идеей о том, что к рождению богини Афродиты причастны отсеченные гениталии бога Урана². Другая распространенная реакция — осмеяние. В 1712 году Джозеф Аддисон глаумился над повсеместным обращением современных поэтов к «нашим Юпитерам и Юнонам» («форменное ребячество, непростительное

для поэта старше шестнадцати»); десятилетие спустя французский философ Бернар де Фонтенель окрестил мифы «сборищем химер, галлюцинаций и несурзностей»³. Среди недавних шагов можно назвать попытку заклеить не только греческие мифы, но и изучение двух языков, на которых они изначально передавались, — как привилегию отжившей свое самодовольной культурной элиты, особенно в Европе и Северной Америке. Однако, невзирая на всю эту критику, мифы выстояли. Объяснение этого феномена идет гораздо дальше социального престижа, который способен заработать человек, ссылаясь на мифы, — даже с учетом высокого статуса «классики», традиционно поддерживаемого в обществе. Куда значимее поразительная способность мифов адаптироваться, подобно хамелеону, которую обеспечивают широта и глубина понимаемых в них вопросов. Греческие мифы — словно мысленные эксперименты, имеющие значение практически для каждого без исключения человека, независимо от его финансового положения и культурного уровня. Цель данной книги — продемонстрировать это серией предметных исследований. Но прежде, дабы подготовить почву, обратимся к миру Древней Греции, изучим среду, в которой впервые проводились такие эксперименты, и выявим наиболее важные из исследуемых тем.

Пространство мифотворчества

Мифы были укоренены в древнегреческом обществе. Бабушки и дедушки, родители и няни рассказывали эти истории детям дома, а те учились пересказывать их в школе. Мифические сюжеты изображали на декорированных сосудах («вазах»), которые использовались для разнообразных хозяйственных целей. Поэты, ораторы, философы и историки цитировали их, приводя примеры нравственного поведения — которому стоило следовать либо которого требовалось избегать. Помимо того, их рассматривали как свидетельства реальных и значимых событий прошлого. Они являлись предметом чрезвычайно серьезным и одновременно таким, который легко

помещался в контекст бурного веселья и даже крайней непристойности. Не существовало ни одного жизненного аспекта, который не затрагивали бы мифы⁴.

В частности, мифы были неразрывно связаны с религией. Так, изображение битвы между героическими лапифами и полуконями — кентаврами — древнегреческий художник вырезал на мраморных метопах (метопа — прямоугольная плита, элемент фриза) с южной стороны Парфенона, расположенного на афинском Акрополе. Скитания Деметры, отправившейся на поиски Персефоны — своей дочери, похищенной богом смерти Аидом, — запечатлены на каменных рельефах и керамических вазах, найденных на месте проведения мистериального культа, который отправлялся в Элевсине. Сюжет с участием перевозчика Харона и бога Гермеса, переправлявших души умерших в царство мертвых, регулярно появляется на сосудах, известных как лекифы, — наполненные оливковым маслом, эти вазы приносили в качестве дара на могилы усопших. Кроме того, мифы рассказывали на ритуальных празднествах, устраиваемых в честь богов. Яркий пример — проводившийся в Афинах городской праздник Великие Дионисии, во время которого в честь бога Диониса разыгрывали трагедии, практически все основанные на мифах. И последнее, но не менее значимое: боги и герои, чьи деяния воспевают рассказчики мифов, — в большинстве своем те же боги и герои, которым поклонялись в храмах по всему греческому миру.

Повсеместное распространение мифов не сократилось, даже когда Греция подчинилась военной мощи Рима. Скрупулезные записи Павсания о его путешествиях по эллинским землям — «Описание Эллады», датируемое II веком н. э., — чуть ли не в каждом абзаце содержат характеристику местности, здания или сакрального предмета, которые находятся в том или ином месте и каким-то образом связаны с мифологией. Один из нескольких тысяч таких примеров касается героя-основателя небольшого сообщества в Лаконии:

В местечке, называемом Араином, есть могила Ласа, и на ней, как памятник, стоит статуя. Говорят, что этот Лас первый поселился в этой стране и, по преданию, был убит Ахиллом, когда, по рассказам местных жителей, он прибыл в их страну просить у Тиндарея Елену себе в жены. Но если говорить правду, то Ласа убил Патрокл; он же и сватался за Елену*⁵.

Учитывая фразу «по рассказам местных жителей», можно предположить, что статуя, установленная на могиле на юге Пелопоннеса и увиденная Павсанием лично, косвенным образом связана с событиями, которые, как считается, произошли до Троянской войны, — тогда несколько величайших героев Греции добивались от Тиндарея руки Елены (Тиндарей — муж Леды, матери Елены, хотя многие рассказчики мифов приписывают истинное отцовство Зевсу). Поскольку греческая мифология была максимально далека от строгих догматов фундаменталистов, Павсаний не стеснялся редактировать показания своих информаторов («Но если говорить правду, то...»); однако его версия, как и их, предполагает связь между событиями давно минувших дней и современной ему святыней. История о сватовстве к Елене, как и множество других мифов, была перенесена в священное место и тем самым получила обновление и подтверждение.

О чем — в понимании греков — рассказывали мифы?

Прежде всего мифы затрагивали темы семьи. Этот общечеловеческий институт отражен в бесчисленных греческих сказаниях, а сильные чувства, возникающие между членами семьи, нередко драматизируются и гиперболизируются. В «Илиаде» Гомера эмоциональные связи между поколениями, объединяющие правящую семью Трои: Приама и Гекубу, их сына Гектора с женой Андромедой и внука Астианакта, — воплощают жизненный идеал, который

* Пер. С. П. Кондратьева.

уравновешивает суровые превратности войны, вызванные греческим вторжением. В «Одиссее» подобная же прочная связь соединяет Одиссея с его отцом Лаэртом и сыном Телемахом. Среди богов отношения родителей и детей также могут быть заряжены положительной силой, как в случае Деметры и Персефоны: мать лишила землю плодоношения до тех пор, пока ей не вернули (хотя и временно) ее дочь. Однако более многочисленны мифы, показывающие конфликтные детско-родительские отношения: Кронос оскотил собственного отца Урана и был, в свою очередь, свергнут сыном Зевсом; Эдип убил отца и проклял своих сыновей; Медея и Геракл погубили собственных детей; Агамемнон согласился на заклятие («принесение в жертву») своей дочери Ифигении. Не менее напряженными выглядят отношения братьев и сестер. Борьба за трон в Микенах между братьями Атреем и Фиестом привела к ужасающему акту мести: Атрей умертвил маленьких сыновей Фиеста, приказал приготовить их и подал к столу ничего не подозревающему отцу. Среди сестер солидарности, как правило, больше. Когда царь Терей изнасиловал сестру своей жены и лишил ее языка, дабы она не рассказала о случившемся, девушка вышла эту историю на ткани и отправила ее сестре. Вдвоем они подвергли Терее жуткому каннибальскому наказанию, схожему с тем, что пришлось пережить Фиесту. Что до отношений внутри пар, то и они принимают разнообразные и нередко крайние формы; разлад между супругами — излюбленная тема мифов. Измена Елены с троянским царевичем Парисом привела к тому, что обманутый муж Менелай отправил греческие войска на осаду Трои. Когда Агамемнон привез из Трои поработленную царевну Кассандру, чтобы разделить с ней ложе, его жена Клитемнестра уже успела завести себе любовника — такой вот ядовитый коктейль неверности. Неверность не была уделом одних лишь смертных. Зевс снова и снова изменял Гере, а любовная связь Афродиты и Ареса привела к скандальной сцене: безмятежные любовники запутались на постели в практически невидимой сети, выкованной обманутым

супругом Гефестом, покровителем ремесленников. Отношения Одиссея и Пенелопы, напротив, выглядят на первый взгляд идеальными, как следует из гомеровской «Одиссеи». Однако же пара воссоединилась только после долгих сексуальных походов героя — с Калипсо и с Киркой, а также после флирта (целомудренного) с принцессой Навсикаей, мечтавшей о замужестве. Психология взаимоотношений полов — одна из самых сложных и ярких тем в мифологии.

Другой важный мотив — встреча смертных с чем-то (или кем-то) чуждым и странным, словом, с «иным» (термин, который, надо признать, является академическим жаргонизмом, однако весьма *осмысленным*). В рамках общей закономерности герой — некто, принадлежащий к особой категории смертных, чье поведение способно преодолеть границы человеческих возможностей, — сталкивается с физически уродливым противником или существом, представляющим собой фантастический гибрид: Персей и горгона Медуза со змеями вместо волос; Беллерофонт и Химера — помесь льва, козы и змеи; Одиссей и устрашающая Сцилла с шестью головами и лающими собаками, опоясывающими ее чресла. Способность преодолеть подобные угрозы — одна из отличительных черт героя. Однако не только монстры воплощают в себе все странное: инакость зиждется и в самих богах. В частности, Дионис — божество, навлекающее *ekstasis*, «экстаз» (буквально: состояние «пребывания вовне»), на тех, кто попадает под его влияние. Это классический пример бога-отщепенца, чья сила распространяется гораздо дальше виноградарства и способна подчинять себе человеческое сознание. Инакость также черта многих других богов, например козлоногого Пана и притягательной Афродиты (олицетворения эротической страсти, схожей с помешательством), равно как и самого Зевса. Когда любовница Зевса Семела настояла на том, чтобы он овладел ею во всем блеске своего величия, главный из богов сделал это в сопровождении — или даже в воплощении — грома и молний, при этом испепелив Семелу. Зевс — чрезвычайно

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

